

РОССИЯ: ПОИСК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Россия конца XX – начала XXI вв. проходит «испытание Историей». Чтобы осознать, что представляет собой это «испытание», каковы его основания и интенции, что с нами происходит, и что ждет в третьем тысячелетии, необходимо обратиться к исторической логике развития России, учитывая ее своеобразный и уникальный характер.

Российское государство возникло на «стыке» христианского мира, мусульманской цивилизации, классического (буддистского) Востока и огромного региона, который представляет собой ареал расселения кочевых и полукочевых обществ. Народы с разной цивилизационной ориентацией превращали Россию в неоднородное, сегментарное общество. В разное время в ее составе находились природные сообщества (народы Сибири и Севера Европы, исповедующие язычество), анклавы мусульманской цивилизации (Поволжье, Средняя Азия, значительная часть Кавказа), буддийские регионы (Калмыкия, Тува, Бурятия, Хакасия), регионы, относящиеся к европейской цивилизации (Финляндия, Польша, Прибалтика).

Понятие «цивилизация», применительно к России, не получило в отечественной историографии концептуального значения. Российская история предстает в ней преимущественно как история государства, история народа, история культуры¹. О российской цивилизации стали писать сравнительно недавно, явно под воздействием происшедших в ней перемен². Предшествующие попытки характеризовать отечественную историю с позиций формационного членения истории, выведившие ее в авангард мирового развития («первая в мире страна победившего социализма»), оказались несостоятельными ввиду очевидной ее отсталости по сравнению с развитыми странами Запада и Востока. Избранная нынешней властью стратегия модернизации по образцу этих стран, или, иными словами, «вхождение в современную цивилизацию», заставляет задуматься над тем, в какой мере эта стратегия учитывает российскую специфику, считается с ней. Вопрос, поставленный таким образом, побудил многих исследователей распространить на российскую историю так называемый цивилизационный

подход, представить ее в качестве особого цивилизационного образования. Историческая уникальность России, ее самобытность ни в чем не проявилась так определенно, как в ее культуре, которую, зачастую, склонны выдавать за особую цивилизацию. В Германии конца XIX - начала XX вв. родилась традиция различения цивилизации и культуры, а вместе с ней и критика цивилизации со стороны культуры, ее во многом губительных последствий для духовности и морали. Согласно этой традиции, воспринятой и развитой российской общественной мыслью, не культура сама по себе, а конфликт с ней обозначает границы той или иной цивилизации. Если для А. Тойнби, не различавшего цивилизацию и культуру, угроза одной из них исходит от другой, от их столкновения между собой, то для О. Шпенглера сама цивилизация таит в себе угрозу культуре, является признаком ее увядания и смерти³.

Российская специфика более точно передается термином не «цивилизация», а «культура». Ее следует искать не в самодержавном строе, не в архаических устоях народной жизни, а именно в культуре. Русская культура и стала душой России, ее неповторимым лицом. Для русской общественно-философской мысли судьба культуры, того, что заключено в данном понятии, — главный критерий при оценке уровня цивилизации. По своему психологическому складу Россия — страна авангардистская, предпочитающая системному мышлению неожиданность принятого решения и прорыв в «неизведанное». Россия в этом смысле — страна не столько ставшей, окончательно сложившейся, сколько становящейся цивилизации, общие контуры и облик которой пока только смутно «просвечивают» в духовных исканиях ее мыслителей.

Россию называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией — в зависимости от того, какой признак берется за основу — конфессиональный, этнокультурный или геополитический⁴. Но может ли каждый из них или все они вместе служить достаточным основанием для существования особой цивилизации? Будь так, вопрос цивилизационной идентификации России решался бы намного проще, не переживался бы как одна из мучительных проблем российской истории. На протяжении длительного периода в сознании россиян постоянно сосуществуют идеи не только их «особенности» и самобытности, но и отсталости, недостаточной развитости по

сравнению с Западом. Эта «западническая» тема, наряду со славянофильской (то, что западники считали отсталостью, славянофилы оценивали как самобытность), в течение столетий является центральной в истории русской общественной мысли.

Российская Евразия — единственное место, где Запад и Восток не разделены естественным препятствиями (горами, морями, пустынями и т.п.), то есть образуют географическое единство. Именно этим географическим качеством обусловлено то, что она служила «этногенетическим вулканом», «лавы» которого в виде переселений народов на запад, юг, восток и север определили этногенез Европы, Центральной и Западной Азии, Северной Африки, Северной и Южной Америки. Кельты, гунны, готты, турки, половцы, татаро-монголы, венгры «потоками» «растекались» из Евразии, формируя новые импульсы для этногенеза на покоряемых территориях. В этом смысле российская Евразия была и остается центром устойчивости— неустойчивости мира. Устойчивость евразийского пространства формировалась тогда, когда появились государственные — суперэтнические «скрепы» этого пространства. В глубокой древности роль такого суперэтнуса очевидно играли арийцы, затем скифский суперэтнос, позднее татаро-монгольская империя, а после нее Россия и как империя, и как российский суперэтнос, образовавшийся на базе восточного славянства и тюркских народов. Логика российской истории определялась стремлением к стабилизации, к формированию устойчивости государственного единства на большом пространстве Евразии.

Появление российского государства стабилизировало эволюцию народов России. Россия стала определять геополитическую устойчивость мира, особенно в последние столетия. Достаточно убедительно место и значение России в европейской динамике XIX в. обосновал Н.Я. Данилевский, указывая на ее историческую роль в форме барьера в экспансии Турции и мусульманского Востока на Запад⁵. Эта особая геополитическая функция России как центра устойчивости и неустойчивости мира проявилась и в том факте, что две мировые войны XX в. отразили ведущую роль России в логике этих событий.

В России, как известно, легко обнаружить элементы и «европеизма», и самой дикой «азиатчины». В таком смешении

разнородных начал иногда усматривают признак особой цивилизации, называя ее евразийской. Уже одно это заставляет смотреть на Россию не как на органическую целостность, а как на страну в состоянии «расколотости», по выражению С. Хантингтона⁶, лишенную сознания своей идентичности. Сегодня, хотя географически Россия остается Евразией, цивилизационно она уже не может выполнять функцию «моста» между Западом и Востоком (в силу весьма малого представительства в современной России носителей ценностей восточных цивилизаций). Но и ранее «азиатское» в России не сливалось с «европейским» в органическую целостность. Безусловно, Азия создала великие цивилизации, но «азиатчина» в русской истории — синоним сохраняющегося доцивилизационного прошлого, помеха, препятствие на пути цивилизационного развития. Россия по своему внутреннему «стержню» — европейская страна, хотя несколько в ином смысле, чем страны западно-европейского региона.

У России и Европы общие предки — Афины и Иерусалим, впервые привнесшие в историю сознание ее единства⁷. Если «первый Рим» попытался реализовать идею единства человечества политическими средствами, создав мировую империю, то христианство — духовными. Впоследствии созданное ими единое пространство распалось в силу многих причин, но идея продолжала жить в культурной памяти Европы и России: они искали пути ее осуществления в истории, расходясь и вновь сближаясь, дополняя друг друга.

Различие исторических путей России и Запада в рамках общеевропейской истории во многом объясняется разным пониманием смысла того урока, который Рим «преподал» миру, самой сути «римской идеи». На Западе причину гибели Рима усматривали в его измене своим республиканским идеалам, что привело, в конечном счете, к цезаризму, личной тирании, к уничтожению гражданских прав и свобод.

Россия, изначально ориентированная на Византию, считала причиной падения «первого Рима» язычество, т.е., с христианской точки зрения, «бездуховность», повлекшую за собой моральную деградацию власти и граждан. Преодолевая эту «бездуховность», православная церковь на Руси предложила систему взаимных обязанностей для регулирования повседневной жизни мирян, произошел процесс замещения

юридического закона моральным, то есть правосознания — религиозно ориентированной совестью.

Россия в основу своей государственности, вслед за Византией, положила не национальный и правовой, а конфессиональный и династический принципы (православие и самодержавие), в силу чего русские осознавали себя не столько светской, сколько православной нацией, единой в своей вере и служении Богу. Другими словами, православное и национальное сливались в одно понятие. Претендуя на роль защитника и хранителя православной веры (Святая Русь), государство оспаривало у Церкви право на определение духовных ориентиров населяющих его народов. Сакрализация верховной власти действительно может считаться «византийским наследием» России, что в глазах «просвещенного» Запада является несомненным доказательством ее цивилизационной отсталости, типологической близости к ранним цивилизациям Востока.

Между тем, рассматривать Россию только западно-европейскими «глазами», с точки зрения европейских социальных идеологий, расценивая русский народ как любой иной народ Европы, неверно. Необходимо, во-первых, расширить сферу сопоставления. Понять всемирно-историческое значение и место российской культуры можно только при сопоставлении ее с большими, «старыми» культурами Европы, Китая, Индии на протяжении веков. Во-вторых, надо понять ее народ и его душу, реализуемую в политической и экономической деятельности, в повседневной жизни. В результате обнаруживается, что «Россия и Европа, — как справедливо отмечает О.Шпенглер, — два мира, которые друг другу далеки. Русский хорошо понимает эту необычность. Он никогда не преодолевает, если он чисто русский, своей антипатии или наивного восхищения по отношению к немцу, французу и англичанину. Татарин и турок ему и понятнее и ближе»⁸.

Даже экономически русский народ жил собственной «неевропейской жизнью». «Торговая семья Строгановых, которая при Иване Грозном начала освоение Сибири своими силами и предоставила в распоряжение царя собственные владения, не имела ничего общего с великими деловыми людьми Запада того времени. Еще веками ожидала бы огромная страна со своим скитающимся народом своего будущего, будучи, тем временем,

объектом западно-европейских колонизаторских устремлений, если бы не появился человек чудовищного всемирно-политического значения — Петр I»⁹.

Изменение в судьбе целого народа, которое произвел Петр I, по последствиям не имеет аналогов в истории, именно его воля вытащила Россию из азиатской зависимости и сделала ее государством западного стиля. Он стремился вывести континентальную Россию к морю, сначала, безуспешно, к Азовскому, а затем, с продолжительным успехом, к Балтийскому. Балтийское побережье было для него мостом в «Европу». Там он основал Санкт-Петербург, город с немецким названием, город-символ. Управление и законодательство государства строится им на чужой манер, возникает общество, отличающееся от крестьянской массы одеждой, нравами, языком и мышлением. В городах создается высший слой с легким западным налетом. Разыгрываются немецкая ученость и французские манеры. Вторгается едва понятый, «непереваренный», роковой общеевропейский рационализм¹⁰.

Вопреки всем слабостям искусственного творения, состоящего зачастую из противоречивых субстанций, «петровство» представляло собой, в течение двух веков своего существования, нечто могущественное. Безусловно, то, что построил Петр I, может быть понято и оценено только «глядя» из далекого будущего. Он расширил «Европу», как минимум, до Урала и создал единую культуру. Государство, которое простиралось от Берингова пролива до Гиндукуша, было «европеизировано» в такой степени, что различий между городами, скажем в Ирландии и Португалии и в Туркестане или на Кавказе в начале XX в., почти не имелось. Но эта внешняя сторона «петровства» скрывала внутреннюю свою судьбу. Оно было и осталось чужеродным телом в русской культуре.

В действительности имелась не одна Россия, а две - видимая и истинная, официальная и тайная. Чуждый элемент внес яд, от которого могучий корпус заболел и умер. Русскому мышлению был непонятен и недоступен дух западного рационализма XVIII и XIX вв. Возник тип русского интеллигента, который, как реформированный турок, китаец или индус, при соприкосновении с Европой душевно и духовно опошлится, опустошится и испортится до цинизма. Началось это с Вольтера и велось через П.-Ж. Прудона и К.Маркса к Г.Спенсеру и Э. Геккелю. Именно

высший класс времен Л.Н. Толстого разыгрывал из себя высокомерных, желающих быть остроумными, неверующих и враждебных традиции людей. И это мировоззрение устремлялось вниз, к «дрожжам» больших городов — литераторам, народным агитаторам и студентам, которые «шли в народ» и там пробуждали ненависть к высшему обществу западного стиля. Результатом этого процесса стал большевизм, «навязанный» и столь же не органичный российской природе.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее: евразийскую целостность, называемую Россией, можно понимать как социально-культурную общность, созданную как родственными этносами, объединенными по принципу комплиментарности, так и не родственными, находящимися в разной степени зрелости. Эти этносы, различные по культурной традиции, объединены не только общей исторической судьбой, и в связи с этим имеющие общие социальные и исторические цели, но и схожим в общих чертах институциональным социально-культурным оформлением. Россия с точки зрения цивилизационной характеристики — неоднородное общество, особый, исторически сложившийся конгломерат народов, причем историческая парадигма этого сложного сообщества на разных этапах истории менялась.

Задача «вхождения» в современную цивилизацию не может быть решена простым заимствованием западных достижений, их механическим переносом на «русскую почву». Проблема, стоящая перед Россией, не в том, чтобы стать частью Запада или чем-то принципиально отличным от него, а в том, чтобы вместе с Западом включиться в дело создания общечеловеческой, универсальной цивилизации, руководствуясь при этом собственными культурными приоритетами и предпочтениями.

Примечания

1 Межуев В.М. Российская цивилизация — утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. №1. С.44.

2 См.: Флиер А.Я. Об исторической типологии Российской цивилизации // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994; Патракова В.Ф., Черноус В.В. История отечества и русская цивилизация. Ростов н/Д., 1995; Троицкая Н.Е. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом (Историософские миниатюры). М., 1995; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1.

Новосибирск, 1997; Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса (Эскиз теоретической реконструкции) // Философия и общество. М., 1997. № 2; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мироцелостности. М., 1999; Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3; Межуев В.М. Культура российская как альтернатива западной цивилизации // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М, 2001; Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. М., 2001; Мчедлов М.П. Цивилизация российская // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М., 2001.

3 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С.303-318.

4 См.: Цымбурский В.Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики)//Полис. 1993. №5 ; Каспэ С.И. Российская цивилизация и идеи А.Дж. Тойнби // Свободная мысль. 1995. № 2; Неклесса А. И. Россия в новой системе координат - цивилизационных, геоэкономических, геополитических //Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996; Субетто А.И. «Концепция цивилизации» в разработке стратегии будущего// Экология и образование. 1999. № 1-2; Ионов И. Н. Парадоксы российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

5 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995. С.59-61.

6 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. С. 34-35.

7 Межуев В.М. Указ. соч. С.59.

8 Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С.27-30.

9 Там же. С.35.

10 Сербенко Н. И., Соколов А. Э. Кризис культуры как исторический феномен: Данилевский, Шпенглер, Сорокин // Философские науки. 1990. №7. С.27.